Между горами, городами и пустынями души голос проходит сквозь историю и произносит имя Христа .
В этих песнопениях Иисусу звучат радость детей, к ротость творений, верность святых и надежда, рас цветающая после борьбы и победы пророка, котор ый прославляет всемогущество Бога в каждом соз дании. Поэтическое слово становится здесь молит вой и песнью, отточенной в видениях, воспоминан иях и встречах, где божественное присутствие оза ряет повседневную жизнь.
Каждая страница открывает пейзаж, где встречаю тся земля и небо: души и люди, искушение и проро чество, спокойное страдание помазанника и слава . На этом горизонте является Христос со своим пыл ающим сердцем, призывая все народы и все покол ения участвовать в истине.
Гимны Иисусу прославляют красоту сотворённого мира и тайну любви и слова, которые его поддерж ивают, приглашая читателя созерцать историю ка к паломничество к полноте.

Хуго Ноэль Сантандер Феррейра родился в Бука раманге, Колумбия, в 1968 году. Гимны Иисусу о писывают его мистический опыт по велению Иис уса, который 1 июня 2011 года помазал его Прор оком для суда над живыми и мёртвыми. Царь Ца рей воспевает его переживания 2022 года, когда Пресвятая Троица открыла ему, что он является реинкарнацией апостола Петра. Хуго также явля ется режиссёром пяти художественных фильмо в и автором более семидесяти книг рассказов, р оманов, пьес и философских трудов.

Hugo Noël Santander Ferreira

Гимны Иисусу

Помазание Судьи живых и мёртвых

Santaley Publishing – Электронное издание и печатное издание
Оригинальное издание 2026
consultoriasstanley@gmail.com

© Hugo Noël Santander Ferreira, 2026

Все права защищены.
Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена, распространена или передана в какой-либо форме и каким-либо способом без письменного разрешения издателя, за исключением кратких цитат в рецензиях.

ISBN
Дизайн обложки и задней обложки
© Leyla Tobías de Santander
Верстка электронного и печатного издания:
Leyla Tobías de Santander
Фотография: Hugo Noël Santander Ferreira
Отпечатано и произведено цифровым способом в Америке

Первое издание
Все права защищены

Индекс

Пресвятой Деве Марии, Матери Божией 7
Предисловие 11
Пой, Иисус, Бог, Сын Человеческий 15
Почему Ты удалился из моей жизни? 17
Философы и поэты 20
Каждый — ось вертикальная 23
Меч Истины, который он всегда держал 26
Не лучше ли новая религия? 28
Пощёченный, подставивший другую щёку 30
Твоё сострадание было моей добродетелью 32
Боюсь потерять тебя под давлением мира 34
Судя о людях и их вере 36
Я помазываю тебя Моим Пророком 38
И голос огненный Ты ему доверил 40
«Страдаю Я сильней», — ответил Он. 41
Бог Отец, Яхве, Аллах во всём Своём величии 43
Но болезни придут 45
В Израиле уже видели, как Ты ходил со мной 48
Доказательства заката землетрясений 50
«Ты из металла Авраама», — молвила мне она. 54
Мария, Мать страждущих 56
Гимн Твоей Победе над Миром 67
Читая Тебя, Ты закалил этот песок в истине 69

Я тот, кому Ты вверяешь мир 71
Пусть наше причастие станет его вершиной 73
Но те, кто делает своё сердце Твоим 75
И в нашем причастии — доме двоих 77
Разве не иссякли пожары и слёзы? 79
Бессмертный Орден Мелхиседека 81
Оскверняя самую знаменитую логику 86
Реальность — лишь тонкая корка 87
Наковальня Господа — свет истины 89
Клепсидра Страшного Суда — это Истина 92
Ты разоблачишь тех, кто хотел причинить тебе вред 95
Перед Синедрионом 97
Прекрасный Господь, увядающий болезни 100
Также Богу нужен я 103
Даря любовь, ничего не получая взамен 107
В роли жертвы несправедливости 110
В этой пустыне я делаю Твою веру моей биографией 113
Я предпочитаю видеть мир лишь игрушкой 115
Ты, шедший рядом со мной 119

Пресвятой Деве Марии, Матери Божией

Тебе, в мире больном и жестоком,
где духовный обман повседневен,
где из ложных страхов перед смертью
Ты воплотилась, чтобы вернуть меня
к моему возлюбленному Господу,
даровавшему мне θεοπνευστία —
дар переписывать глас Божий.

Через Тебя душа моя обретает
вдохновение свыше,
и по Небесной Благодати возвышается
мой голос, в котором мудрость
рифмуется.
Сквозь стихи и метафизику
глас Неба нисходит и открывается,
когда, пиша, к Тебе приближаюсь —
и перо моё в Твоей славе возносится.

Ничто реально, и оно — море света.

—Роберт Пенн Уоррен

Предисловие

В «Гимнах Иисусу: Помазание Судии живых и мёртвых» Petrus Romanus — псевдоним Hugo Noël Santander Ferreira — дарит нам песнь, звучащую голосом Божественного: «Пой, Иисус, Бог, Сын Человеческий!» . В пламенных и созерцательных стихах, помазанный как пророк Пресвятою Троицею и по повелению Иисуса, поэт ведёт нас к встрече с вечностью. Это произведение — мистическое свидетельство и пророческий диалог — соединяет человеческое и Божественное в напряжённом единстве, где поэт говорит в Боге, а Бог — в поэте, сливая их голоса в преображающей любви веры.

Укоренённая в традиции мистической литературы — от Мейстера Экхарта до Тересы Авильской и Хуана де ла Круса — поэзия Феррейры проходит сквозь суеты мира — славу, деньги, власть — чтобы вознести нас к тайнам священного. Его стихи возвращают Божественное в живой опыт и приглашают читателя перейти от повседневной раны к полноте ответной любви.

Иисус предстает на этих страницах как живая действующая реальность: Судия и Спаситель, справедливость и милость. Его призыв историчен: утвердить Царство Небесное на земле через внутреннее обращение и творческую верность Евангелию. Пророческая миссия предполагает с любовью указывать на то, что удаляется от света.

Среди стихотворений выделяется размышление о переломной дате — 11 апреля 2012 года. С этого момента

мировая статистика фиксирует резкое и устойчивое снижение смертности от землетрясений. Данные независимых источников — таких как *U.S. Geological Survey* и базы *Our World in Data* — подтверждают сокращение примерно на 91% в среднем годовом показателе после этой даты, несмотря на отдельные катастрофические события. Поэма вбирает эту реальность в своё богословское видение: *Бог не обещает напрасно*. И история даёт знаки, которые внимательное сердце умеет читать.

Произведение — также духовная хроника. Париж, Мадрас (Ченнаи, «Город Матери Божией», где апостол Фома свидетельствовал о вере), Богота и другие места становятся сценами радикального духовного опыта. Видения, испытания, молчания и откровения проходят через жизнь автора, который предстает скорее как орудие примирения, нежели как главный герой.

Присутствие Девы Марии проходит через сборник светлой нитью. Мать страждущих, заступница и путеводительница, Она сопровождает возвращение ко Христу и формирует сердце поэта. Её присутствие — начало и путь, утешение и сила.

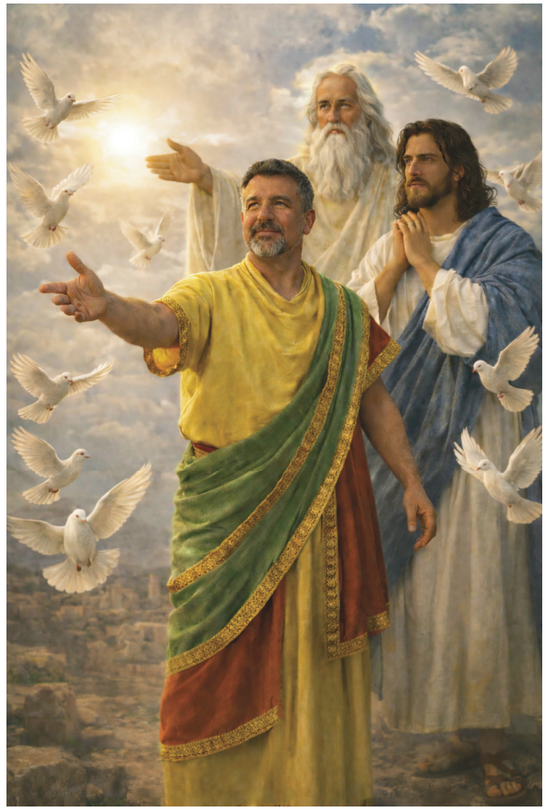
Универсальность — отличительная черта книги. Написанная по-испански и переведённая на многие языки, поэзия Hugo Noël соединяет духовное и историческое, метафизическое и конкретное. В ней вера вступает в диалог с событиями мира, а метр становится свидетельством.

В эпоху, сводящую бытие к случаю и расчёту, *Гимны Иисусу* утверждают первенство любви, нравственной ответственности и активной надежды.

Каждое стихотворение призывает к исследованию совести и к обретению высшего смысла жизни.

Это не просто книга — это провозглашение: вечность вторгается в историю, и человеческое сердце призвано её распознать

Leyla Tobías de Santander
Синселехо, Колумбия



Пой, Иисус, Бог, Сын Человеческий

Пой, Иисус, Бог, Сын Человеческий,
пой на моём кастильском языке,
что некогда в славе своей был велик,
а ныне — кладбище разбитого фарфора.

От слова Твоего я избирал
глас Соломона, и в пустыне
науки и философии
вновь обретал Твой пример с новым дыханием.

Мне снились храмы и переулки,
и мы отплывали к портам и городам,
сын школьной учительницы,
что учит поэтов мира.

И я избрал в Тебе то, во что немногие верили:
Твоё воскресение, Твоё вездесущие,
Твою власть над небом и адом,
Твоё возвращение в конце времён.

И если прежде я пал в бурные потоки,
сомневаясь и трижды Тебя отрицая,
ныне мы идём по лаве,
чтобы судить тех, кто Тебя осудил.

Ныне Тебя славит, как и прежде,
тот, кого Ты соделал Своим пророком
в бесплодных садах обмана,
в бездушном стволе моей эпохи.

Почему Ты удалился из моей жизни?

В две тысячи десятом я отправился во Францию;
виза, требуемая Индией
для преподавания кино, мне не выдавалась:
предрассудки затягивали мой отъезд.

То, что было делом трёх дней,
затянулось на месяцы агонии;
чиновники срывали контракт,
я продал квартиру, чтобы выжить.

В отчаянии я молился Деве
в храме Чудотворной Медали;
в Мадрас Ты направил меня в мой день рождения,
в две тысячи десятом, в возрасте Отца.

Ибо в душе раскрываются три священных века:
огонь Отца, искупительный свет Сына,
дыхание Духа, посылающего Слово народам
и призывающего меня к забытым полям Эдема.

Апрель ознаменовал конец занятий,
и в башне меня изолировали преподаватели,
которые между собой говорили: «Он американец,
он отчаянится и уедет».

Но это был Бог, звавший меня!
Я ощущал нарастающее презрение мира
и призыв писать свою жизнь,
повествуя, как в каждой стране Бог хранил меня.

Однажды ночью, из соседней комнаты,
я услышал, как Ты зовёшь меня, как Самуила.
Трижды я видел лишь пустоту,
пока не нашёл Твой забытый образ.

«Почему Ты отдаляешь Меня от своей жизни?»
Я осознал, что впервые
жил без креста
или образа Иисуса Христа в своей комнате.

Икона Твоего Святого Сердца
засияла незнакомым светом,
и я узрел Твои светлые волосы,
Твои голубые глаза, Твою перламутровую кожу.

Твоё кровоточащее Сердце вспыхнуло, и я ответил:
«Но Ты не был в Галилее таким, как здесь изображён».
Мягко Ты укорил меня: «Не суди Меня
по Моему лицу; суди по Моему сердцу».

«Пожалей своих братьев, — добавил Ты, —
они уже не умеют править, они блуждают».
Раскаявшись, к Твоим ногам я всхлипывал:
как мог я судить по внешности?

Философы и поэты

Трансцендентные вопросы считаются непостижимыми,
без доказательства и ответа для логики инфрагуманной;
с Кантом метафизика будто рушится,
или, как гонимая Гекуба, рабыня тиранов.

В одну одинокую ночь трудовой пятницы
Святой Дух открыл мне сокровенный третий глаз,
и в единственной вспышке я достиг арканов,
тайн вселенной и её эзотерических биений.

Бесконечная боль разлилась в моей груди
и тотчас исцелилась в возвышенной радости:
—Это пульс жизни— провозгласили боги,
открывая свою сущность, пребывающую в самом Боге.

Вселенская субстанция, без образа и пола;
в Коране — Отец, Христос и Дева Мария,
триада, которую превосходит Аллах, единый и вечный
Бог;
что для христианина есть Пресвятая Троица:

Отец, Сын и Дух, единосущная тайна,
Бог, явленный в мужском образе в Иисусе Христе.
На следующий день, когда я писал в тишине
о далёких преследованиях киргизов,

я ощутил другое эфирное присутствие рядом:
мужей, молча прославлявших мои строки.
Это были Сократ и Данте, за ними Платон,
Аристотель и Сильвия Плат, Шекспир, Беккет и Шоу;

сотни благодатных душ тогда обняли меня,
голоса, что с детства вели со мной диалог.
Философы и поэты, что в вечном бдении
я воскрешаю в своём театретексте «Симпозиум
Аркадии».

Никто не объяснил причины ликования;
но я знал, что, как и они, достиг вершины:
божественного знания, которое Юнг провозгласил
доступным,
того, к которому лишь благородные души восходят.

Каждый — ось вертикальная

Каждый — ось вертикальная,
каждый — остров в стороне;
а Ты — путь неисчерпаемый, материнский,
дарующий всё желаемое.

Счастье, похищенное у Эдема,
из игры со смеющимся ребёнком,
что однажды упал на перроне;
в Порту Ты облачил его в белое.

Ты — возвышенный закат, облака
пылают, как кристальные алтари,
над Гринвичем, золотым портом,
нашим домом после отплытия из Португалии.

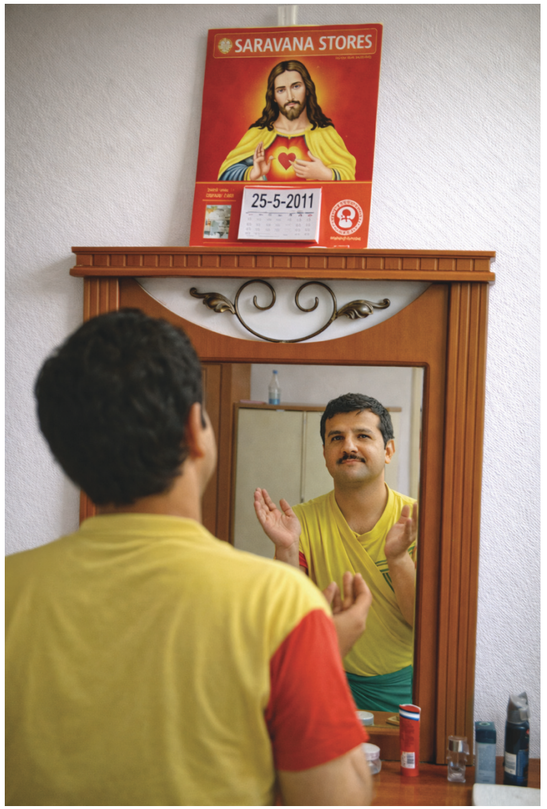
У берегов Дору Ты доверил мне город;
далёкое фаду в моём документальном фильме,
Ilhas de Porto, голос оставленных,
вселенная в неожиданном объятии.

Это Ты на уроке немецкого
вдохновил меня сказать: «Ich bin aus der Welt»;
когда меня спросили, откуда я родом,
шла Холодная война, и я сказал, что я со всего мира.

Моя Lehrerin улыбнулась, смущённо;
одноклассники восхитились моим пантеизмом,
возлюбленные, которых вечность вновь обретёт:
шёл 1986 год.

Существо, избравшее быть всеми существами,
чтобы воплотить собственное творение,
даже в тех, кто забывает,
что растворить эго — значит обрести Бога.

Любовь: кто Тебе вверяется,
находит живую молитву, защиту от зла.
Сострадание, исцеляющее сомнение,
как у моря Галилейского и его бури.



Меч Истины, который он всегда держал

Он был пророком, и с горы,
которую его народ различал издали,
он хвалил или обличал без плевел
словами, которые тайно тяжело переносили.

«Достигай истины, учись
и поступай по правде, не отступая;
к любящему тебя и к ненавидящему тебя
не переставай обличать неправду.

Так мир будет твоим, как ныне он Мой».

Неверные обвинили его во грехе
за то, что принимал принявших его
в эпоху лицемерия и презрения.

Их уязвляло видеть, как он отправлялся на новые
континенты,
падал и вновь начинал дела.
«Вы можете заново изобрести мир»,
говорил он, создавая мечты, которые они разрушали.

Наконец его схватили и бросили в колодец,
чтобы ранить камнями дороги;
оскорбление, которое вызовет потрясения,
когда Бог приведёт его в Свои пределы.

Увидев его живым, они собрались вновь
и донесли на него римлянам,
которые велели, чтобы он погиб в «несчастном случае»:
«Мы не допустим нового Голгофского пути».

Разве не видели — пока ангелы Господа
переписывали случай, чтобы хранить его —
как сильные, подстрекаемые ложью,
устраивали «несчастные случаи», из которых он уходил
невредимым?

Неспособные признать благодать Божию,
они карикатурировали его как модного злодея;
как Христа с демоном в Израиле,
предполагая, что тьма превосходит свет.

Через три года, в землях усмирённых,
небо и земля вручили ему свои печати:
Меч Истины, который он всегда держал,
ибо с детства в нём жил Дух Святой.

Не лучше ли новая религия?

В одну ночь могучий голос
сказал мне, что я буду исцелять больных
и что толпы станут поклоняться мне.
«Почему ты так любишь Иисуса?», спросил он.

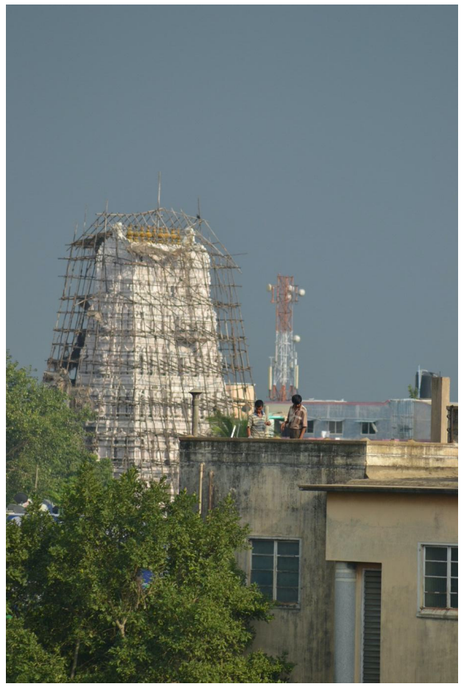
«Не лучше ли новая религия?
Церкви пусты, ты видел это.
В Париже, где тебя упрекали
за почитание церкви Монмартра.

Ты пришёл не только любоваться архитектурой,
но молиться Марии и святым.
Охранник унизил тебя за фотографию?
Что не разглядел маленькую табличку на стене?

Наука кладёт конец религиям.
Разве ты не видишь пасторов с частными самолётами?
Разве не видишь роскоши Папы в его дворцах?
Зачем быть бедным, если ты уже Царь?»

На миг я задумался над его предложением,
и душа моя разорвалась, оледенев,
как боль Девы Марии, когда она увидела,
что Иосиф верил в её неверность.

«Никогда!», воскликнул я сокрушённо.
«Никогда не оставлю Иисуса моего»,
добавил я, читая нежного Баха,
пусть даже все ранят моё сердце.



Пощёченный, подставивший другую щёку

Я строитель, образ из глины,
создатель алтарей и таранов,
пощёченный, подставивший другую щёку
седмижды семьдесят раз.

Они ожидали другого улыбающегося Папу,
другую святую, затворённую до смерти,
другого иезуита, павшего за их разоблачение,
и никогда того, кто верой своей их преклонил бы.

Тот, кто пел о своих любвях и страстях
перед учёными и неверующими монахами.
Тот, кто достиг своего трансцендентного Бытия,
став учеником Его Божественности.

Прах, избравший жить без страха
с мыслями, дарованными Богом.
Тот, кто был спасён святыми
любовью, к которой прибегал.

Тот, кто принял все оскорбления,
кто ныне действует со сдержанностью
против несправедливых и лукавых зверей,
кто молится за них в их безнадёжности.

Моё сердце — открытый алтарь.
Я тот, кто простил братьев своих,
когда они предложили мне яд,
свидетель и созерцатель звёзд.

Ангел Канады и Америки,
Царь Португалии, Турции и России,
голос Англии, гражданин Франции.
Распятый, умерший и воскресший в Колумбии.

Твоё сострадание было моей добродетелью

Твоё сострадание было моей добродетелью,
намерением, которое Кант назвал лёгким
и к которому прибег в старости.
Ни одна из Твоих молитв не будет тщетной.

И я говорил без тщеславия и опасений
с тайными заговорщиками;
один против хитрых сильных мира сего,
соль среди льстецов.

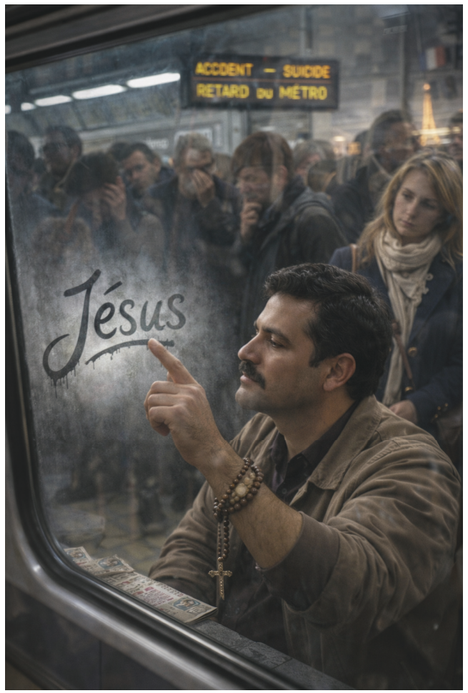
Моя судьба, сказал мне политик, —
судьба поэта, гибнущего в открытом море,
добычи, которую звери растерзают;
но я уже знал, что джунгли и море — Твои.

Я просто верил Евангелиям,
и когда меня звали к заговору,
я протестовал гневно, не в силах предотвратить
их самоосуждение и падение их жертвы.

Так я был изгнан из города в город,
чтобы Ты даровал мне новые земли.
Были искушения, но случай — Твой щит —
уводил меня, изменяя мои слова.

Ты исправлял меня, пока не помазал меня пророком,
и как Ты, я исцелял больных и укрощал бури:
я ходатайствовал за Фукусиму, и Ты услышал;
тем, кого я любил, Ты даровал долгую жизнь.

Если ты терпишь несправедливость, писал я у касс,
приложи грудь к Иисусу, какой бы ни была твоя страна;
пусть твои слёзы смешаются с Его.
Объявляли о новом самоубийстве в парижском метро.



Боюсь потерять тебя под давлением мира

Дни уединения в Боге проходили,
и моё существо вновь и вновь слышало песнь,
привязанное к метафорам, смысл которых
я узрел бы после моего возвышенного откровения.

Ты хранишь образ моего раненого сердца,
который ныне покоится на твоём шкафу;
трапезы, которыми я ежедневно благословляю твой
стол,
и мои первые зовы апреля.

Разве тебя не удивляет, что я звал тебя трижды?
Мой голос растворяется в твоём скептицизме;
ты не ожидаешь, что я явлю перед тобой
любовь, которую из тишины тебе исповедую.

Если бы я говорил к тебе внятным голосом,
я разрушил бы догмы, что проповедуют обо мне;
но лишь ради того, чтобы даровать тебе радость
слышать меня,
я обнял бы укрощённых демонов пред тобою.

Боюсь потерять тебя под давлением мира,
который считает меня мёртвым, хотя я управляю
течением его дней; моё сердце истекает кровью,
ибо они уже не верят в его вечность.

Почему они настаивают видеть меня распятым
и не также воскресшим? Я страдаю
за тех, кто верит в меня и ради меня страдает,
как ты, изгнанный из стольких народов.

Многие теряют веру в моё сокрытое действие,
а ты сохранил её десятилетиями;
я заговорю с тобой без промедления.
Да узнает мир, что я избрал тебя.

Многие молятся мне лишь во времена скорби;
если я не заговорю с тобой, мирские философии уведут
тебя
в наслаждения, которые принесут тебе твои стихи;
я сойду во славе, и вся Индия узнает.

В Книге Иова я уже возвестил, что не требую
объяснений:
я победил смерть и неподвластен огню;
твоя душа сияет среди мрака твоей эпохи,
ты более не будешь страдать от моего мнимого
отсутствия.

Моё Святое Сердце умирает на бумаге
или на древе от усталости и страха;
без веры тех, кто предпочитает меня Майе,
они считают меня далёким, когда я зову их трижды.

Судя о людях и их вере

И это был единый Сущий, приходивший,
движимый чувством к своим противникам.
Нисхождение и восхождение, соединявшие
комедии, любви и поражения.

Сущий, избравший оставить всякую память,
герой возможного, низложенный,
довольный падением или славой,
Сатана — искуплённый, и Бог — осуждённый.

Пребывающий во всём и во мне —
ребёнок, начавший свою игру.
Иго, от которого я отрёкся ради тебя,
альфа света, омега страха.

Уразумей! Сатана — полное неведение,
вечное падение через сужение эго;
а Бог — абсолютная мудрость, Всё,
в котором растворяется тот, кто презрел эго.

Я не видел Его, не слышал Его, но почувствовал Его:
самую мучительную и одинокую боль
и самый возвышенный и любящий экстаз.
Так я понял, что страдание — путь к Эдему.

Через несколько дней
я задумался о смысле моих книг,
повествований о моих унижениях и триумфах.
И голос Бога прозвучал в моём разуме:

«Судя о людях и их вере,
возьми оболочки того, что ты пережил,
и расплавь их в кузнице Толедо,
чтобы они знали, что мы существуем».

Там ариане отрицали Троицу,
пока вестготский король Реккаред
не был тронут Словом и в Иисусе увидел Отца,
как и ты увидишь Его в этих углях.

Я оставил тамильский и вновь обрёл свой язык,
переплавленный мистиками в его тысячелетней столице
в изречения, что пишу с тех пор,
небесное сокровище, что я извлекаю из своей кузницы.

Я помазываю тебя Моим Пророком

Я слушаю «Реквием» Томаса Луиса де Виктории
по зову из глубины моей души,
когда пишу главу
из «Киргизской весны».

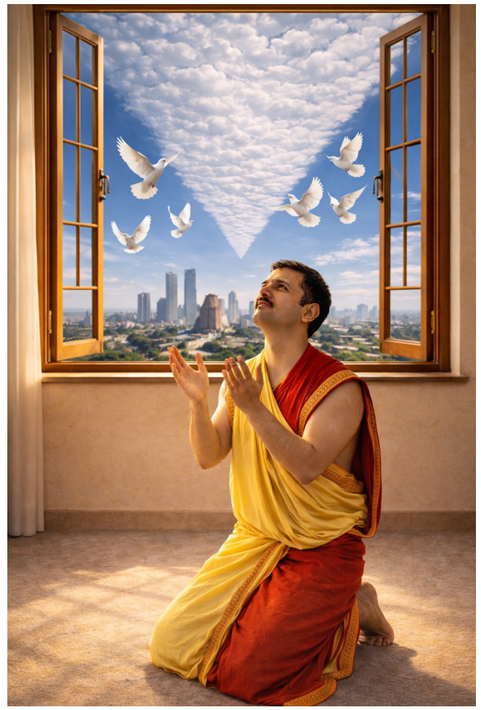
В тот безоблачный полдень
было первое июня 2011 года.
Взмах крыльев раздался у окна;
я поднялся и увидел белых голубей.

За ними лестница из облаков
спускалась от зенита к моему окну.
Она уходила в бесконечность.
Я заметил, что птицы пристально смотрят
на что-то или кого-то позади меня.

Я вернулся в комнату и ничего не увидел.
Вдруг я услышал нежный и любящий Голос:
«За твою любовь к Моим заповедям,
в течение сорока лет, — сказал Он, —
Я дарую тебе все Мои благословения
и помазываю тебя Моим Пророком,
чтобы судить живых и мёртвых».

Моя душа — не я — тотчас узнала Господа моего,
и, пав на колени, я воскликнул:
«Почему я, если я грешник?»
Вспоминая столь многих почитаемых святых.

И Его ответ был прост и убедителен,
как тот, что я уже слышал несколькими днями ранее:
«Не по делам твоим сужу тебя, — утешил Он меня, —
но по намерениям сердца твоего».



И голос огненный Ты ему доверил

Как Еноха, Ты вознёс его с Анд
к озёрам Европы, Азии и Америки,
по Млечному Пути, через Франкфурт и Альпы,
от Пондичерри до дорог Гомера.

И голос огненный Ты ему доверил —
тому, кто вопрошал, не есть ли грех
его безразличие ко лжи,
стремление к концу поспешному.

Уже в мечети Кордовы
Ты укреплял одну за другой его антитезы,
экстаз, что объемлет творение,
лоно религий и их немезиду.

С детства он каждому истину возвещал,
даже против воли своей; ни бич,
ни безработица, ни нож
не заставили умолкнуть голос, что был Твоим.

Один за другим грехи осаждали его,
и в каждом месте он являл свою нежность.
Никого не ранил и любил до смерти,
даже тех, кто ранил его.

Душа моя узнала, что Господь мой Иисус Христос
будет беседовать со мной полчаса,
и Присутствие Его оросило мои молитвы:
молитвы Фатимы, Лурда и Гваделупы.

«Страдаю Я сильней», — ответил Он.

Царь царей беседовал со мной.
Я, прах самонадеянный, в горнице моей
полчаса внимал Учителю моему,
от Которого познал я: правда торжествует.

«Возьми меня с Собой», — смиренно молил я,
«живу, задавленный обманом и тщетой».
«Страдаю Я сильней, — ответил Он, —
что рядом со Мной нет тебя».

«Ты много испытаний перенесёшь,
но Я всегда рядом с тобой».
Лаская мою трепетную душу,
Он взял мою руку и посадил меня рядом с Собой.

Как святая Тереза, я обрёл покой,
бескрайнее блаженство — Бога обрести.
«Не мучь себя, не прячься от жизни», —
и обнял меня, как любимейшего апостола.

Я не зрел Его, но Он был во мне.
Я не слышал Его — но мысль была одна.
Зачем же так долго я глух был к Нему?
«Возвести, что Я беседую с каждой душой».

Он сказал мне: любовь — не преступленье,
когда в самоотдаче и согласии дана;
желать не нужно — всё приходит в срок, —
и стал я единым с Мессией, единым в Боге.

Бог Отец, Яхве, Аллах во всём Своём величии

Я склонился к окну моему, и ветер ласкал меня,
как вершины, певшие в ветвях;
впервые я ощутил его голос, его радость
от того, что он видел сошествие Христа.

Иисус ушёл, но не только Его радость,
и Его слово пребывало во мне;
начиналось учение длиною в пятнадцать лет,
по окончании которых моя воля стала бы Его волей.

И в воздухе забилось высшее всеприсутствие:
— Чего ты желаешь? — Яхве говорил со мною из облаков.
Я понял, что гуру удалили меня в ту башню,
дабы я встретился, один, с той непостижимой силой.

— Хочу видеть, — сказала душа моя; наивно я думал о глазах плоти.
— Да будет так; — и я понял, что это будут их души:
ни один человек уже не скроет от меня своих мыслей;
так я воспринимаю в каждом самое сокровенное.

Так в две тысячи восемнадцатом году я избежал коварства,
которое устроили мне скептические журналисты,
называя мою веру унаследованным рабством;
но вера и вечность моих слов ослепили их.

Отец, Сын и Святой Дух освящали меня
высшим даром судить живых и мёртвых;
и так я опроверг ариан, возражавших
против того, что, встретив Лейлу, я просил её руки.

Ибо во всех моих странствиях под небом
я никогда не видел столь чистой женской души:
жена моя Лейла, моя исповедница, разделяющая
душу Марии, как я — душу Воскресшего Иисуса.

Но болезни придут

Vos dispersistis gregem meum et eiecistis eos, et non
visitastis eos; ecce ego visitabo super vos malitiam
studiorum vestrorum, ait Dominus.

— Ieremias 23,2

«Я оставлю лжепастырей», сказал Он мне,
«тех, кто пытался отвратить тебя от Истины».
И увидел я мужчин и женщин этой земли,
с которыми разделил столь многие дни.

Тогда я читал Библию и ощутил déjà vu:
одиннадцатого сентября две тысячи первого года
я также услышал гнев Творца
на правительство, бомбившее Ирак.

В мае, в Чикаго, один университет
нанял меня за сценарий, который они хвалили
и который по интригам двух преподавателей отменили.
В Манчестере я сказал: «Да будет воля Твоя».

Я писал свой трактат о Глобальной Метафизике,
«Быть Богом», когда зазвонил телефон:
«В Нью-Йорке бомбы», сказала моя спутница.
Я вообразил атаку, но не смертельную.

Я писал, что мы живём одновременными
бесконечностями,
когда она снова попросила меня посмотреть
то, что происходило в прямом эфире.
Я простился с ней и продолжил рассуждать с Зеноном.

Её третий звонок заставил меня ответить:
«Джуди просит, чтобы ты её проинформировал»,
сказала она тревожно,
«разбомбили Пентагон».
Я включил новости: увидел, как падают башни.

Я вспомнил своё утреннее размышление
и, признавая прежнюю суровость
к тем, кто прервал мою карьеру,
молился за них, как тогда молился за Индию.

Я утверждал, что им не чужда благородность.
В своей трудной защите я впал в глубокий сон.
Проснувшись, я увидел, как колеблются здания:
это был гнев Шивы, когда Господь отдаляется.

Но крики женщин тронули меня.
«Ради Твоих благословений, Господи, вернись», молил
я.
И бетонные глыбы успокоились,
как волны Капернаума после бури.

«Я отступаю от тех, кто презирает Меня».
«Но они — моё поколение, Господи», взывал я.
«Землетрясения уменьшатся», утешил Он меня,
«но болезни придут».

Я опубликовал это в своих социальных сетях,
где это стало предметом насмешек нунциев и прелатов,
и средств массовой информации, предпочитавших
превозносить провидцев,
которые говорили, что предсказали это первыми.

В Израиле уже видели, как Ты ходил со мной

В Израиле уже видели, как Ты ходил со мной;
на Твоей груди Ты желал меня.
В этом веке Ты, премудрый и всепроницательный,
с Кем я с детства беседовал в своей комнате.

Я знаю, что в Своей любви Ты защищаешь любящих Тебя
так же, как и тех, кто нас презирает.
Сегодня мой голос уже не скрывает Тебя: он взывает,
и свидетели и заговорщики это подтверждают.

С тех пор как я ссорился под берёзами
с соперником, которого победил,
и по Твоему завету решил не наказывать его
—пусть меня били, я никогда не стал бы мстить—,

до моего ожидания на Елисейских полях,
когда я помог врагине моей самой ожесточённой
лишь затем, чтобы вынести её коварную месть:
в таких испытаниях Ты готовил моё посвящение.

И так одна и та же нить на протяжении пятидесяти лет:
хранить Твои заповеди и быть жертвой интриг,
терпеть гонения, покушения и изгнание,
дабы в конце концов удостоиться более великой судьбы.

Доказательства заката землетрясений

Если сомневаешься, брат, в моём свидетельстве,
и наука уводит тебя от истины,
охвати мои владения числами:
я назову тех, кого земля оставила.

До две тысячи тринадцатого мы жили в бессоннице
планеты, землетрясениями объятой:
семьсот шестьдесят семь тысяч пали
с две тысячи второго — роковое наследие.

Пока Бог не даровал мне прощение,
в страхе перед беспощадным концом,
семьдесят семь тысяч ежегодно гибли —
коллективная средняя беда.

После одиннадцатого апреля две тысячи двенадцатого
Бог смилостивился — и утихла печаль:
Читайте! Почти девяносто семь тысяч погибли
за четырнадцать лет — жертвы толчков.

Шестьдесят восемь процентов меньше,
если считать с девятнадцатого века;
с двадцати одной тысячи до семи тысяч в год —
милость после гнева Творца.[1]

Девяносто один процент меньше;
земля покоится, внимая словам.
Возвестите их! — сквозь слёзы взывает она к видам,
которых это поколение ввергает в вымирание.

---

[1] Данные основаны на консолидированных научных базах (USGS; NGDC/WDS; Our World in Data, обновлено к 2025 г.). Долгосрочная мировая средняя (1900–2013): ~21 200 смертей в год. Недавняя средняя (апрель 2013–2025): ~6 870 в год (~87 000 за 12,5 лет; ~97 000 за 14 полных лет). Снижение относительно исторической средней: ≈67,6% («около семидесяти процентов»). Период 2002–2011 был исключительно смертоносным (~77 000 в год, включая Индийский океан 2004 и Гаити 2010); по сравнению с этим десятилетием спад достигает ≈91%. Учитываются прямые и косвенные жертвы.

И пандемия пришла, как было предсказано,
наказание, за которое славим Творца:
природные бедствия — не несчастье;
смерть — не зло для бессмертных.

Бог смертью исправляет несправедливость,
разрушает ложь и смертельные бедствия,
утверждается над бедными и сильными,
презирает славу, деньги и власть.

Майя возвестили об этом в календаре,
их астрономы высекли конец;
предвидя ярмо завоевателей,
они избрали коллективную вечность.

Они не познали света Учителя —
Христа, воскресшего ради нашего искупления,
ни Святой Троицы, что открывается в праведниках:
в Иосифе, Моисее, Ное — в моём бытии.

В «Расшифрованной истории» я это изложил:
Неужели наука так ослабила твою веру?
Оставишь ли ты тех,
кто, повзрослев, перестал верить?

«Ты из металла Авраама», — молвила мне она.

Шёлка и драгоценности Индостана,
верность воинов его,
без торжеств, на лезвии ножа,
как заповедали нам Упанишады.

И Иов, и святые, и поэты возрадовались обо мне,
скитальце в мире, лежащем в руинах,
уповающем обрести рай,
но никогда в сем — хотя и оно есть Царство Его.

«Ты из металла Авраама, — молвила мне она, —
тот, кто средь духовных руин дерзнул уверовать,
довериться Моему вездесущию и Моей премудрости
в веке мрамора холодного и клеветы».

Слова мои отныне будут огнём
для поколений грядущих, которые ныне зрю:
менее боязливые, нежели моё, —
восстанут они, просветлённые.

С теми, с кем я рос, я лишь любить желал,
но меня укоряли за прозрачность мою.
Почто упорствуют они, нося личину добродетели,
которую Уайльд и Ницше уже обличили?

Наше — древо Эдема,
восстановленное для душ сокрушённых.
Мы будем судить вас — при председательстве
младенцев —
живых и мёртвых, в Царстве Твоём восстановленном.

Шёлка и драгоценности Индостана,
верность воинов его,
без торжеств, на лезвии ножа,
как заповедали нам Упанишады.

Мария, Мать страждущих

Мария, Мать страждущих,
ты привела меня к Сыну твоему,
когда богословы освобождения
внушали мне арианство.

В шестнадцать лет я хотел стать иезуитом,
но мне возразили, что я не знаю жизни;
тебе я вверился, и ты даровала мне
любовь к книгам — моим наставникам.

Ты привела меня в Неваду,
когда в Делавэре я не нашёл работы;
там ты открыла мой Cinetext на месте,
где Филипп — король Лузитании.

И Португалия открыла мне свои зелёные луга;
преодолев бюрократические преграды,
ты содействовала получению моей рабочей визы
в Нью-Йорке в августе девяносто восьмого года.

Я выехал из Филадельфии в семь
и прибыл в Ньюарк в девять утра.
Около двадцати просителей стояли в очереди;
в спешке я нарушил порядок.

Африканец справедливо упрекнул меня,
но, увидев меня, не нашёл злого умысла,
лишь твоё любящее присутствие.
«Нет проблемы», — сказал он растроганно.

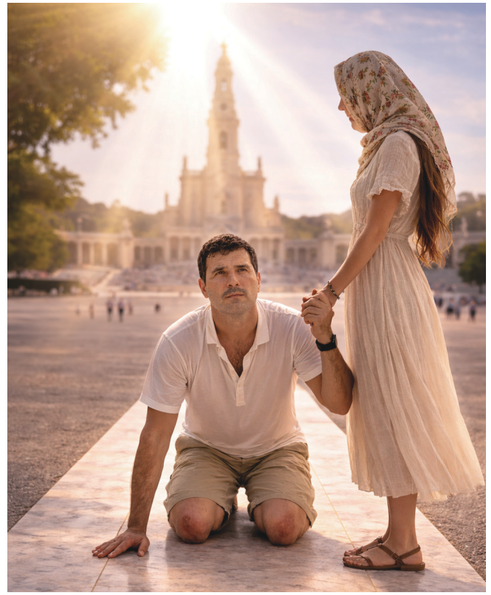
«Поставьте печать в Посольстве Португалии на Манхэттене», —
сказал консул; мой самолёт вылетал в четыре.
В одиннадцать я поспешил к машине,
которую тайный соперник повредил.

И я молился тебе, чтобы не пропустить поездку.
Ты открыла передо мной шоссе
и, не зная Нью-Йорка, привела меня
к посольству в центре острова.

Тогда я молился тебе ежедневно;
я нашёл парковку на улице,
где никто её обычно не находит,
и увидел приближающуюся женщину.

Я боялся отказа, как часто бывало,
но эта дама улыбнулась мне и выслушала.
«Где находится Посольство Португалии?»
«Прямо посередине этого квартала», — ответила она.

Я вошёл; был полдень, и меня приняли сразу.
«Странно, что сегодня никого нет», —
подумал служащий, ставя печать на визе.
Я поспешил к туннелю Линкольна.



Я боялся пробки,
но в тот четверг улицы Нью-Йорка
чудесным образом оказались пустыми.
Я въехал в туннель, и рядом не было ни одной машины.

Я ехал по свободным трассам;
ускорялся, и никто меня не остановил.
В Филадельфии было половина третьего,
когда я отдал машину кредиторам,
отвергнув нечестные искушения.

Himnos a Jesús_____

«Ты опоздал на рейс», — твердили подруги,
но в моей груди ты вдыхала надежду.
Я зарегистрировался в три двадцать.
«Вам повезло — рейс задержан.»

Я поднялся на борт и сидел в первом ряду.
Рассвет над Парижем сиял,
и через десять дней я ехал поездом в Португалию;
там я изучал твоё явление в Фатиме.

«Солнце вращалось перед восемьюдесятью тысячами
людей», —
подтвердил мне пожилой атеист,
«но не из-за Бога, а из-за неопознанных летающих
объектов.»
Я отправился в Фатиму и, преклонив колени, совершил
покаяние.

_____ Hugo Noël Santander Ferreira

Не замечая того, мои колени кровоточили
за Колумбию, за мир, за человека.
Я пишу это, потому что сегодня покаяние
вызывает уже не гордыню, а насмешку.

И однажды ночью я увидел тебя безутешной,
с бороздами на лице
от стольких слёз, от столького плача.
«Почему ты печальна?» — спросил я.

«Потому что уже никто не верит», — рыдала ты.
«Что мне делать?» — спросил я в тревоге.
«Прочитай пятнадцатую главу Деяний.»
Я проснулся с просветлённым разумом.

«Чтобы быть христианином, достаточно, — заключают
в пятнадцатой главе Деяний апостолов
Павел и Пётр, — не делать зла другому
и перестать посещать дома разврата.»

Мои израненные убеждения вернулись:
сад, который я любил и считал потерянным,
оазис, защитивший меня от бичеваний,
которые я десять лет терпел в детстве.

«Новые вечера в Манхэттене» были написаны
богословом, стремившимся определить Бога.
И в землю Шекспира ты привела меня,
чтобы я ходил по зелени великого Барда.

Там я беседовал с его философами
и объяснял, что атеизм тоже может быть христианским,
если действовать без интриг и жестокости.
В конце концов меня попросили определить Бога.

Мои философские комментарии были опубликованы,
созданные годами исследований:
«Кризис атеизма» и для энциклопедии,
изданной в Оксфорде, моё «Определение Бога».

Ради тебя я был честен и искренен;
ради тебя перенёс гонения и насмешки,
презрение, семейные унижения,
развод, устроенный буржуа.

И когда усталость мира овладела мной,
показывая мирские наслаждения,
я молил тебя вывести меня
из тех замкнутых ущелий.

И ты спасла меня; я видел это во сне,
как ты защищала каждый мой шаг.
Пока я пишу тебе, другой наёмный убийца пишет:
«Мы уничтожим тебя», — и я боюсь за них.

Кто под твоим покровом боится угроз?
Ибо Франсуа Вийон уже воспел:

«Владычица небес, земная повелительница,
Императрица адских болот…»

Тебе принадлежит судьба каждого человека,
тебе — попечение о мире,
тебе — птицы и звери, тебе — дети,
тебе — конец страдания и пандемии.

Ибо на твоих коленях Бог находит утешение,
и через тебя Иисус и я уже едины.
В мой сорок третий день рождения
Исаак и Викрам отвели меня к священному дереву.

«Здесь мы знаем, что деревья — жилища,
где обитают богини», — объяснили они,
показывая благородный баньян.
Я попросил их сфотографировать меня.

В моей груди горела уверенность в твоём присутствии.
Вдруг лицо Викрама выразило страх
перед светящимся шаром, снятым за моей спиной,
образовавшим силуэт девы.

«Не бойся, — сказал я, — это наша Мать,
восстановившая мою веру в объятиях Иисуса,
Пресвятая Дева Мария в бесконечной любви,
с Младенцем Иисусом, покоящимся в её руках.»

По твоей благодати небо открыло новые пути,
ведя меня к ядру моего духовного пути;
и когда я падал, ты вела меня к святым местам,
где я всё сильнее ощущал твою любовь.

В моей душе засиял твой свет
и рассеял тьму отчаяния:
воплощённая любовь, источник каждой звезды,
любящая Мать, умиротворяющая гнев Неба.

Тебе посвящаю эти стихи ради Господа моего,
как дань того, кто всегда был твоим,
защитница страждущих от несправедливости,
Мария, Мать, сладостная наша Заступница.

Гимн Твоей Победе над Миром

Столь многочисленны были оскорбления:
в юности я изображал странников,
не желая разрушать Твои арфы
среди льстецов, называвших себя пророками.

И никогда я не уступал заговорам;
предки и поэты вдохновляли меня
великой силой тех, кто Тебе подражает,
надеждой униженных.

И на пути моём всё, что я приобрёл, я утратил;
моя родина ещё хранит следы
запутанных и тщетных козней,
заговоров, что ныне — прах сухой.

От Тебя я познал, что отрешённость Будды
есть путь жизни преблаженный;
без богатства и власти никто Тебе не льстит,
без славы никто не носит масок с Тобой.

Изгнание есть через Тебя врата к новым пристаням,
новым пределам, новым странствиям,
что опровергают догматы нигилизма,
окаменевшие в смертных грехах.

«Почему ты не собрал богатства?»
Ради радости ежедневно обретать себя.
«Почему ты не дал потомства своим женщинам?»
Чтобы любить без всякого условия.

Как многие, я любил и был обманут;
познал страсть, холодность и похоть;
верный Твоей истине, явил я немощи,
предпочтя уничижение греху.

Из любви я отдал всё, даже своё призвание;
я претерпел его утрату, но на Тебя возложил упование.
Ныне возвещаю: если любовь тебя предаст,
не скорби чрезмерно — лучшая придёт.

Ныне те искушения — история;
для творящих правду — суетный сон,
и Твоя благодать — чертог с широкими террасами,
откуда зрим мы гибель интриганов.

Читая Тебя, Ты закалил этот песок в истине

В десять лет, перебирая струны гитары,
я выиграл величайшую лотерею моей жизни,
призом которой стал Новый Завет,
Иерусалимская Библия.

И с детства моего Ты, Распятый,
в том объятии, что бросает в огонь
всё презрение мира,
прощение самых тайных грехов.

Или кара для тех, кто проповедует,
что этот мир был отдан злу.
Я открываю: Твой крест — погибель или очищение
по углям в каждом сердце.

Это было в год смерти моей сестры,
когда я прочёл там: умирая — Царство Твоё ждёт;
её ласки во мне живут так же, как
Твои притчи, Твоя Нагорная проповедь.

Читая Тебя, Ты закалил этот песок в истине,
открывая мне намерения людей
от зелёных плит Шотландии
до пылающих холмов Невады.

Мальчиком я мечтал почитать Тебя на каждой мессе.
«Ты не знаешь мира», — говорили мне,
и я исчерпал его сокровища одно за другим,
разоблачая их тщету.

В древнейших царствах Азии
Ты сделал меня словом-свидетельством
непобедимости любви и истины
над эгоистичными, надменными философиями.

Я помогал демонам с добрым сердцем
и прелатам с порочными намерениями,
и, как учитель, Ты меня хранишь,
исправляя их ошибки как Наста вник.

Я тот, кому Ты вверяешь мир

С детства я знал, что за Тебя умру;
я говорил правду, даже не замечая этого,
и был щедр к тем, кого встречал,
даже когда они злоупотребляли моим состраданием.

Как на том ужине, когда я сказал тёте,
что те, кто ночевал в нашем доме,
взяли мой рождественский подарок;
я не знал, что они были среди гостей.

Я принял образ апостола-мученика,
вызвав презрение хитрых,
пока Ты не даровал мне Свои благословения
и я не увидел, как те, кто меня оскорблял, падали или
уходили.

Без честолюбия я тот, кому Ты вверяешь мир,
студент, который в коридорах Вавилона
говорил о Шопенгауэре, Аристотеле и Канте,
актёр, который в Боготе сделал мир своей сценой.

Твой посланник, отправленный в долину Делавэра,
чтобы переносить её расизм и интриги,
позволяя обрезать мои крылья одно за другим,
как Ты прощал друзьям-предателям.

Тот, кто обнажил эгоизмы Манхэттена
и опроверг пророков иных вер,
кто пережил латиноамериканское потрясение
и исправил английских богословов.

Тот, кто участвовал в трагедии, которой является
Колумбия,
и представлял её рубежи в Индии;
кто связал семиологию с кино,
в ком даже камни ликуют при Твоём возвращении.

Тот, кого Ты ведёшь через аббатства и народы
с фильмами о детях и рыбаках,
с опытом, подаренным ему каждым языком,
кто сегодня чтит Тебя в жизни вечной.

Пусть наше причастие станет его вершиной

Наконец мои вопросы иссякли,
и Господь обратился ко мне в тишине.
«Есть нечто, что ты должен исправить», — сказал Он.
«Да будет так!» — воскликнул я изумлённо.

«Исправь конец своего киносочинения,
пусть наше причастие станет его вершиной».
Я понял, что Он говорил о том самом тексте,
который дал мне должность в Португалии.

История Лукреции де Леон, пророчицы,
которая возвестила, что станет папессой, и отреклась,
когда увидела, что будет убит король Испании Филипп,
женщины, не позволившей себя использовать.

Там дева предстаёт перед судом и осуждена,
но — о судьба, голос Божий! —
она искуплена перед всем Мадридом Творцом,
столь любящим тех, кто исправляет свои пути.

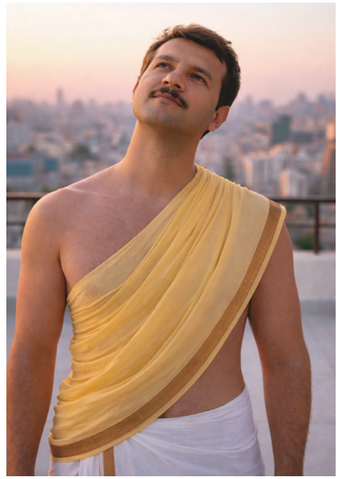
Моё сердце приняло без ропота
утрату долгих часов учёбы,
переводя Сенеку с латинского,
«Октавию», в садах Эскориала.

Моя развязка проводила параллель
между добродетельными женщинами Рима и Кастилии:
Октавия гибнет от жестокости власти,
Лукреция опровергает её своим покаянием.

Повеление Христа рассеяло тьму,
которой мир презирает смерть:
трагична она для праведников древнего мира,
но во жертве Христа становится венцом и славой.

Так пал покров древних учений:
Лукреция — образ и моей вечности;
оба — проявления воскресшего Христа
в нас, кто предпочёл Его миру.

В тот же день после полудня я работал вдохновлённо
Officium Defunctorum Виктории,
которое я слышал перед этим откровением,
хоровым пением, что воспоёт вся Кастилия.



Но те, кто делает своё сердце Твоим

Путь сиял, как зеркало,
золотой след, по которому мужчины и женщины
ожидали обещаний Твоего спасения,
когда-то крепких, ныне рушащихся.

Ребёнком я был презираем за чтение,
пренебрегая спортивными трофеями;
я помогал самым презираемым,
избегая академических наград.

Наконец учителя превознесли меня
за то, что я подражал Тебе вне класса,
за тот дар, который многие презирают:
узнавать Бога в каждом творении.

«Какая польза человеку приобрести весь мир»,
учил Ты нас, «если он при этом потеряет душу?»
И как Иосиф я избрал Тебя, высшую истину,
Тебе благодарю за чудо нового дня.

Но те, кто делает своё сердце Твоим,
— плоть Твоего нового пришествия,
от бурых храмов Баричары
до парящих арок Кордовы.

«Ты будешь говорить Моим голосом и будешь
услышан,
и напишешь рассказ о праведных.
Цари будут искать твоего совета,
и ты будешь представлять Меня в тайнах мира».

Лузитанские часовни всё ещё свидетели,
обломки огромного труда
воздать хвалу Тебе, Спасителю мира, Мессии,
который из Своего Царства возвращается восстановить
Свой престол.

И в нашем причастии — доме двоих

Ибо жизнь — хрупкая доска
правил, которые немногие соблюдают,
песок, недооценивающий любовь,
где прорастает трава боли.

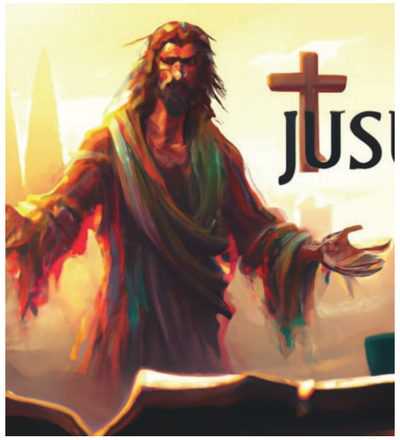
Ты живёшь как знание людей,
их поражений и оправданий;
в тайнах, которые плетут размышления,
алхимия прощения, провозглашающая справедливость.

Оазис и покой павших,
Тот, Кто незаметно даёт необходимое;
Царь, исправляющий превратности моей жизни
и мягкими случаями меня наставляющий.

Ты, царящий в высоких алькасарах
воображения, отполированного обидами,
реальность не менее реальная, чем реальное,
Творец, Который всё претерпел.

Даже отчаяние нищих духом
которые получают лишь уксус от мира,
усыпляя свои жизни в бреду;
по дворцам и трущобам они блуждают.

И в нашем причастии, доме двоих,
мы создаём Великий каньон духа:
пространство, которое не дарует ни одна философия,
того, кто хранит в своём чувстве Твоё.



Разве не иссякли пожары и слёзы?

« Ради Меня тебя будут преследовать до смерти,
ибо хотя Я всегда рядом с тобою,
бюрократы отвергают пути
Того, Кто всё может и всё творит.

Но ты всегда будешь услышан:
все доводы насмешки
ты опровергнешь, ибо ты поэт-посредник
между Богом и людьми, Его пророк.

“Хотя Ты уничтожишь меня, я буду верить в Тебя”,
ответил я Иегове, подражая Иову.
И скажу им: “Почему вас гневит моя вера?
Из ревности по Богу или из-за обмана и его заговора?

Того, кто изгоняет праведника в церкви,
вы принимаете, а не того, кто возвещает Христа?
Если вы шепчете, что это бред поэта,
почему же отрицаете их живую красоту?

Разве презираете искусство, когда оно истинно?
Моё слово побеждает зло,
живое в том, кто уравновешивает небо и землю,
бич для жестоких, что вами правят.

И посмотрите: разве не уменьшились страх и трепет?
Разве не иссякли пожары и слёзы?
Не исцелены ли больные, или вы ждёте ещё,
чтобы Он вновь воскресил ваших мёртвых?»

Бессмертный Орден Мелхиседека

Ради Твоих заповедей я рискнул всем,
и среди праведных бардов этой эпохи
я — лилия, прорастающая из скал,
знаменосец Твоих благословений.

Ты сделал из этого уединения союз
между нашим сердцем и Твоим,
и из наших скорбей выросли
цветы и плоды, что ныне стали книгами.

В атеизме мы распознали новое исповедание:
уже не отрицание Твоего присутствия,
но порог, где Твоя сущность
наполняет изменчивые формы верований.

Я не тот, кто больше всех чтит Тебя, о Христос,
но, когда пишу для Тебя, говорю с радостью;
Твоя любовь — простота, что ослепляет,
разрушает тьму, которую хранят философии.

Твой крест уничтожил жестокость Рима;
Твоя Церковь тронула цариц и львов;
Твои учения, столп истории,
живут ныне в Правах Человека.

Так возвещал уже голос Иоанна:
царство без границ и без владычества,
где ни один брат не хвалится
ни расой, ни имуществом, ни наследием.

Царство без церквей, что осуждают,
без законов, что разделяют сердца,
где души вместе стоят
под одной Любовью для всех народов.

Ибо в Вавилоне вера жила свою зарю:
одна молитва возносилась к небесам,
пока честолюбие древнего человека
не раскололо семью на тысячу народов.

Теперь камни возвещают Твоё возвращение,
и рассеянные языки собираются вновь;
Ты призываешь меня формировать поэтов
в Бессмертном Ордене Мелхиседека.

Аркадия, возрождённая из руин,
лицей без границ и без учений,
что порабощают ученика ложью:
знание, в котором человек может расцвести.

За пределами обманчивых границ смерти,
что сковывают бытие нигилизмом,
они не станут отрицать жизнь,
но будут взращивать её ради будущего возрождения.

Аркадия — университет зари,
матерь братской вечности,
где разум и душа, без предела,
достигают тихого достоинства Бога.

Там я поставил Аристотеля перед Кантом,
измеряя тень понятия;
там Шопенгауэр, с Богом вселенским,
открыл Волю Истины.

И Маркс согласился рядом с мистиком,
что вся материя — форма духа,
тогда как Слово, источник и силлогизм,
восстанавливает то, что человек не властен удержать.

Жанна д'Арк поднимает свой пламенный голос,
и Кеведо, с проницательным умом,
провозглашает, что вера — это уверенность,
что жизнь никогда не будет уничтожена.

Там я дам дар различения:
читать живую душу человека;
они увидят тени развращённого
когда он в тайне плетёт свои сети.

Они увидят судьбу в каждом жесте,
как читают прозрачную книгу;
ибо Ты уже даровал нам Книгу Песка
над бирюзовыми волнами Стамбула.

Не чтобы властвовать или ранить,
но чтобы просветить разум
и вернуть женщине её суд
между правдой и ложными клятвами.

Ибо только дела добра,
смиренные жесты, презираемые миром,
сохраняют Твоё стадо среди резни
и превращают зверей в кротких детёнышей.

Himnos a Jesús_____

Мой голос никогда не был одинок
в этот век железа и смятения:
он куется, как меч в красном огне,
с ангелами и святыми, что мне помогают.

Прими мои ночные бдения как жертву,
этот тяжёлый труд, что я Тебе приношу,
как благоухание женщины-грешницы,
что у Твоих ног излила всё, что имела.

Если бы моё одиночество принадлежало лишь Тебе
и я шёл по миру незамеченным,
я бы не скорбел: о Боже! быть отвергнутым
пустыми аплодисментами мне не важно.

Ты открыл мне, что эти песни
— радость бессмертных душ,
которые празднуют моё служение как Твоего апостола
в этом театре всех жизней.

_____ Hugo Noël Santander Ferreira

Оскверняя самую знаменитую логику

Ты возвысил меня перед народами,
оскверняя самую знаменитую логику.
В Темпле я потерял одну стипендию, и Ты дал мне две:
я играл, ставил и продюсировал Hamlet Unbound.

В Португалии — документальный фильм; в Британии
—
пьесу Шекспира; в Ченнаи —
фильм; и на телевидении Колумбии
наш президент поблагодарил мои стихи.

Ибо не у Твоих служителей я научился
удаче, но вере, которая ничего не ждёт.
Ты даровал мне усмирять стихию
и исцелять род десяти прокажённых.

Когда я сказал Тебе, что напишу
о нашей встрече в романе,
Ты ответил, что это будет книга поэзии,
труд, который я выковал с усердием.

Кто-то спросил меня, не страдаю ли я
из-за моего изгнания со стороны левых,
идеологии, которая, как Мефистофель,
предлагает богатства в обмен на души.

Я ответил, что живу счастливо в уверенности,
что без общины и без богатства
мне никогда ничего не будет недоставать: небо,
города и всё, что Ты мне даруешь.

Реальность — лишь тонкая корка

—Скажи мне, друг, — спросил Возлюбленный, — хватит ли у тебя терпения, если Я удвою твои страдания?
—Да, — ответил друг, — если Ты удвоишь мою любовь.

Рамон Луллий

Лишь тот, кто признаёт свои вины, христианин,
писал Кьеркегор там, в Дании:
тревога, которая в его время была самой жизнью,
сегодня в Твоих верующих, Христос, стала апатией.

Почему ты боишься боли и несправедливости,
если живёшь под покровом высшей любви?
Чем больше скорбей тебя постигнет,
тем больше будет и твоей славы,

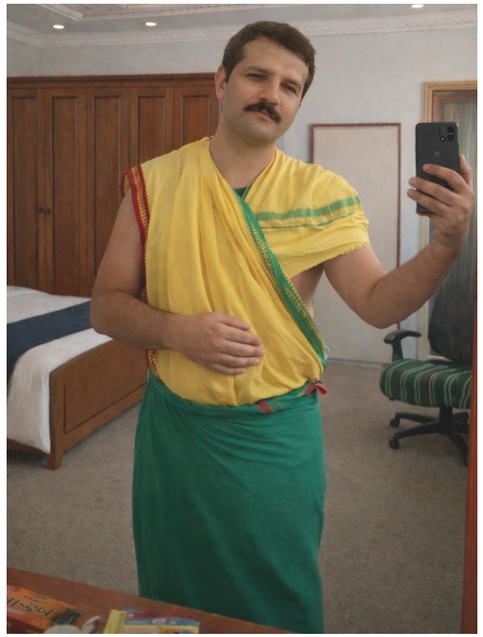
мудрый знает, что всякая буря утихает,
что всякая скорбь есть испытание,
в котором мы, сами того не ведая,
заявляем о своём призвании стать божественными.

«Скажи мне, друг, — спросил мой Возлюбленный, —
хватит ли у тебя терпения, если Я удвою твою боль?»
«Да, — ответил я, — если Ты удвоишь Свою любовь,
ибо в Твоих жертвах Ты меня выковал».

Никогда не переставай желать справедливого мира:
реальность — лишь тонкая корка,
которую нам оставляют те, кто уже мечтал.
Умирая, ты оставляешь лишь свои намерения.

Пусть тебе говорят, что ничто не меняется,
твоё действие перед каждым, кого ты встречаешь
ежедневно,
есть твоё собственное построение космоса;
за него ты будешь отвечать перед мёртвыми.

Перед Сущим, Который предписывает судьбы,
возрастает расцвет твоей благородной мысли:
Тот, кто в единении со всеми творениями
есть тоска по тому благу, которого ты так жаждешь.



Наковальня Господа — свет истины

От тебя и от Тамерлана — благоразумие:
терпеть обиды, пока в гневе ты исправляешь;
и тех, кого я слышал возводить ложное свидетельство,
я видел павшими, поражёнными гордыней.

«Наковальня Господа — свет истины»,
луч, обнажающий опасности власти
и разоблачающий ложные доводы мнимого знания
тех, кто, оскорбляя Бога, хотят быть Богом.

Ты читал и проповедовал перед собраниями,
что Бог есть истина, что истина есть Бог,
и всё же скрывал её, чтобы не ранить наёмника,
который, искушённый бедностью, оправдывает
убийство.

Ибо прежде знания обнаруживается намерение:
кто отдаёт или присваивает дарованные дары,
кто делает учителя судьёй духа
или покрывает юношеские излишества Учителя.

«Наковальня Господа — свет истины»:
ничто не скрывается от огня её удара,
ни расчёт сильного, ни маска мудреца,
когда они пытаются возвыситься над Богом.

«Есть те, кто не заслуживает жить», — говорил мне
князь, осуждая беззащитного,
тот самый, кого его гуру поносили,
и который, бросив мне вызов, пал и сошёл в Аид.

Ибо те, кто желают зла праведнику,
ранят Творца, который защищает свои создания
и теряют то, что ценят больше всего:
свою жизнь или жизнь тех, кого любят сильнее.

Также сосед, поклявшийся ударить меня,
пал от неизлечимой инфекции;
или тот, кто закрыл мои сцены:
его злоба стала раком, что его пожрал.

Или издатель, который замышлял против меня
и потерял свою возлюбленную по собственной вине:
ибо железо людей — кристалл
для того, кто пишет сюжет мира.

Клепсидра Страшного Суда — это Истина

«Истина есть красота, и красота есть истина» — вот всё,
что вы знаете на земле и всё, что вам нужно знать.

Китс

Я ехал с Исааком на его мотоцикле,
и пошёл дождь; я призвал твои благословения,
и среди бури направо и налево
мы ехали три часа, не намокнув.

«И ты будешь распоряжаться вселенной», — говорил он мне,
«чтобы исполнить все мои замыслы».
Справедливость, которую предвосхищает твоё
укоренённое желание,
от самой ласки, что тебя зачала.

Прежде чем отправиться, я почитал Слово:
что я — ничто, когда я сам по себе,
общий наблюдатель для всех людей,
последняя Воля тех, кто существует.

«Не слишком ли это для человека?»
«Ибо ты уже узрел Наше возлюбленное лоно,
когда невинно упал из транспортного средства
и, сострадая своим братьям, возвратился.

Ибо, увидев стольких женщин, страдающих
за грехи твоих сыновей, твоих братьев, ты сжалился
и отрёкся от Рая, чтобы искупить их:
храм, принявший воплотить Бога.

Ибо твоя истина — красота твоей эпохи,
и твоё представление — жизнь в Истине,
которую Я уже возвестил как Бытие; но священники
приняли жестокое лицемерие, отступив от Моей
Церкви.

Уже в Моём Храме Я говорил: Истина
важнее ваших похвал.
Но вы предпочли жестокое лицемерие,
полагая, что лжец побеждает.

Иди и яви корень Моего Евангелия:
пусть знают, что прозрачность — это свобода;
земля защищает её яростью своей лавы,
и перед ней покоряются облака.

Твои переживания возвращаются сегодня
торжествующими,
когда-то мучительные, ныне оправданные.
Ибо клепсидра Страшного Суда — это Истина,
которая возвращает от каждого к прошлому.

Остальное — ожидание и выживание
среди тех, с кем и мы страдаем.
Разрушая предел прожитого,
мы учим твоему неопровержимому завету.

Ты разоблачишь тех, кто хотел причинить тебе вред

Среди твоих скорбей,
которые Я даю каждому человеку в каждой жизни,
ты сохраняешь детскую радость, возвращающуюся ко Мне,
не замечая зависти, которую пробуждаешь.

И в конце — что ты вспомнишь из их страданий?
Ряд наивных попыток уничтожить тебя;
тебя, кто из любви заступался за них, несмотря на их интриги,
тебя, чья мудрость или вдохновение были Моими.

Сколько раз Я клал соперников к твоим ногам,
чтобы ты обличил их за их вины;
но ты, сжалившись над каждым осуждённым,
помогал им той любовью, которую они всегда тебе отказывали.

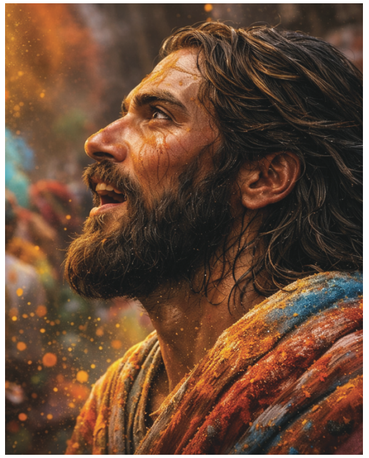
И ты делал это потому, что Моя жизнь вдохновляла тебя:
как Я с сотником, так ты с жестокими;
как Я с богатым юношей, так ты с соучениками,
которые забыли тебя, заботясь о богатстве.

Как деревянные дома, которые ураган уносит прочь,
ты разоблачишь тех, кто хотел причинить тебе вред,
своим знанием о живых и мёртвых,
уверенностью в Моём воскресении.

Ты укажешь намерения людей
и откроешь пурпурную печать, что их защищает,
и Моим серебряным плащом преобразишь демонов,
прославляя любовь, которую сферы Мне воздают.

Ты исцелишь того, кто должен исправить свои
проступки,
и положишь конец боли тех, кто уже достигает Эдема,
даруя больным сладкий конец,
ибо с тобой исчезает привязанность к иллюзии жизни.

Никто не ранит даже твою тень
в восхождении Святого Духа;
Я всегда буду с тобой, ибо своей жизнью
ты поёшь Мою славу вместе со всеми ангелами.



Перед Синедрионом

В моей истине я открыл вам свою жизнь,
и вы исследовали её, желая
найти преступление, приговор или тайну;
и вас ужасает, что ничего скрытого нет.

Синедрион преследовал меня, и Бог
позволил мне слышать их; я опровергаю их,
в особенности моего главного преследователя:
аббата монастыря святого Бенедикта.

Того, кто первым комментирует мои сочинения;
того, кто из коридора среди сотни монахов
изучал меня с десяти метров и, когда я обернулся,
пойманный в своей ненависти, убежал.

Разве не ты распространил тот тщеславный слух:
«Неужели у него не хватило приличия постричься
прежде чем прийти вчера в аббатство?»
На следующий день я пошёл постричься.

Три дня назад он сказал Папе о моих стихах:
«Его видения вызваны галлюциногенами»,
и процитировал главу из Я, Petrus Romanus.
«Невиданная дерзость», — заметил он.

Господь отвечает ему в этих строках:
«Не из-за ли вашего преследования
против тех, кому вы должны больше всего служить,
вы произносите беспочвенные клеветы?

Разве вы не презираете наркомана,
за которого я пил уксус на кресте,
и льстите богатому и могущественному человеку,
который принимает успокоительные по прихоти?

Оба несут тяжесть мира,
но вы обнимаете лишь того, кто вам платит.
Когда я покрою его богатством,
примете ли вы его тогда вместе с его стадом?

Ибо его жизнь была долгим путём
через адские круги мира:
репортёр, воспевающий добро,
которое прорастает среди шипов и пустынь.

И если он оскорбил вашу
буржуазную мораль, уже лишённую власти
пытать тех, кто осмелится,
то это было для того, чтобы обличить ваши грехи.

Разве вы всё ещё не побиваете камнями прелюбодейку?
Разве не бросаете римские дротики в Стефана,
моего первого апостола и мученика?
Разве не пируете щедро с жестокими?

В отличие от вас, Ноэль, подобно Спинозе,
оставил круги чувств
чтобы возвысить своё существо в Истине
и в Любви, которая есть его возлюбленное благо.

Я не прошу вас преклоняться: слушайте его,
ибо он ведёт лучше вас
соединённые души праведников,
которые так желают, чтобы я исправил мир.

Прекрасный Господь, увядающий болезни

Прекрасный Господь, увядающий болезни,
Твоя кровь сушит корень зла;
я славлю Тебя за Твои знамения и милости,
которые немногие видят в днях, что Ты хранишь.

За торжественный и ясный рассвет,
и за бездонную красоту моря;
за это небо, которое есть Твоё лицо,
бесконечную сторожевую башню судьбы.

За ежедневные биения жизни,
что поддерживают моё постоянное бытие;
и за мягкую и обещанную тень
олив, возвращённых из Эдема.

Там, где власть Тебя осудила,
поддержанная теми, кого Ты любил больше всего;
там сияние Твоей любви разрушило
логику ненависти и мести.

Так пусть манихейские кинематографисты настаивают
внушать нам удовольствие ненависти,
Твой крест возвращает душе её невинность,
Твою близкую победу и искупление.

Ты указываешь, что Твоё терпение уже победило:
это были две тысячи лет предупреждений
посланников, которые приносили себя в жертву
чтобы стать добычей их презрения.

Теперь притча о дарах
раскрывается во всей своей мудрости;
кто рискнул своей жизнью
десять раз получит десять жизней,

а те, кто из страха её потерять
спрятали её в мелочности,
мстя провокатору
даже не любя праведника,

потеряют её перед ангелами;
их эго станут лишь воспоминанием
о титанах, бросивших вызов Богу
и заключённых во тьме.

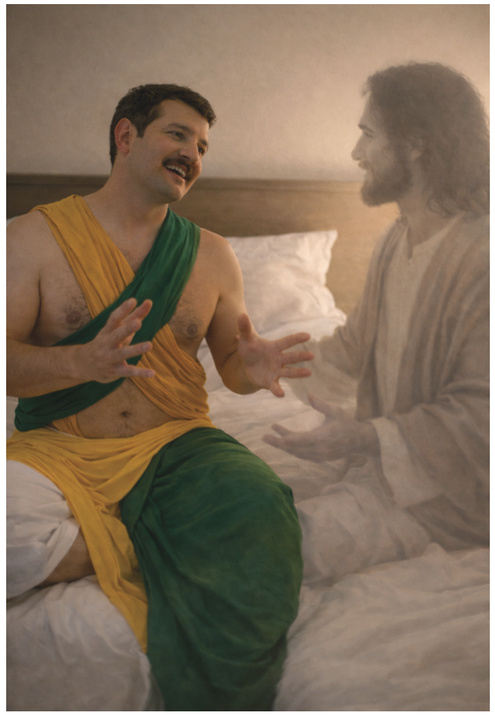
Их интриги перестанут быть веримыми,
их злые хищения, их ложь,
называя бандитов хранителями мира,
угрожая невинным во имя любви.

Пусть их демоны пожрут их,
разрушая их союзы и заклятия,
и пусть Твои ангелы поднимут мечи
и бросят их в пламя Шеола.

Или пошли их к водам Стикса
начать вновь цепь Бытия.
Прекрасный Господь, Ты, что сушишь болезни
и успокаиваешь предсмертные хрипы земли;

благослови благородные совести,
Ты, что изгоняешь бурю.
Броня души, укротившая
у святого Франциска брата-волка.

И благодарение за младенцев, царей мира,
надежду, что никогда не кончается;
они учителя своих родителей,
заря Твоей любви, склоняющей мир.



Также Богу нужен я

Мы все призваны быть матерями Бога,
ибо Бог всегда нуждается в рождении.

Meister Eckhart

Не только я нуждаюсь в Боге,
Бог также нуждается во мне;
паломник тревожного рода,
который за всех ходатайствует во Христе.

Когда вера была скошена сомнением,
я увидел Твою любовь и свет мудрости;
и без страха перед миром провозгласил:
Вечный Царь в Твоей святой монархии.

Царём с Тобой я был полчаса,
пока не увидел, как Дух и Отец ставятся под сомнение;
тогда Ты призвал меня быть свидетелем
перед теми, кто считал Бога побеждённым.

Так многочисленны были души чистилища,
которые, боясь за своё потомство,
умоляли Его обратить внимание на богача,
презиравшего бедного Лазаря,

архетип всего голода мира,
и послать человека из загробного мира
свидетельствовать о вечной жизни
через пламя его раскаяния.

И Бог, сжалившись, спросил меня,
захочу ли я вернуться из своего блаженства
чтобы вернуть души мира;
и я, также исполненный сострадания, согласился
возвышенно.

Признаюсь, я страдал от своего возвращения
в неопределённость, которая есть моя жизнь:
одиночество, бессилие и тревога
первородного греха стали моими.

Ибо пророки — не просто посланники
краткого гнева и постоянного прощения,
но храмы, в которых обитает Бог
чтобы посредничать между небом и землёй.

Христос так любит Свои создания,
что рождается, живёт и страдает в пророках
которые презирают почести и богатства;
Он не благоволит нам больше, но всегда защищает нас.

«Мы все призваны», говорит Экхарт,
«быть матерями Бога в нашей жизни»;
сосуды, в которых, когда Любовь угасает,
Слово Христа нисходит торжествующим.

Мы живём незавершённым проектом,
строением, долго откладываемым,
которое Бог решает начать вновь со мной
после веков летаргии веры.

И я показываю вам веру того, кто учит
уверенности вечного даже самого агностика;
огонь, который Кьеркегор воспел в Аврааме:
верующий, который всё переносит, не страдая.

Вы увидите это в нашей безмятежности
перед пятью зачатыми младенцами,
которых Бог взял из чрева Лейлы;
свидетельство нашей радости во Христе.

Так она и я стали одной плотью,
верой, где сходятся наши души,
сокрушая тех, кто уже в Иове проповедовал
что Бог благословляет лишь потомством.

Махабхарата также прославляет Гангу,
которая утопила семерых сыновей в реке;
младенцев, которые ещё до рождения умоляли
освободить их от колебания мира.

Даря любовь, ничего не получая взамен

В свободе, которую Ты нам даровал,
чтобы и мы стали Твоими,
мои руки обвили Твои ветви,
чтобы мне не быть единственным свидетелем этой саги.

Без глашатаев пришли народы
сплести свои судьбы с моею;
и в них провозглашаю я Твои священные замыслы,
замыслы брачного союза, в котором Ты помазал меня.

До пределов земли Ты меня довёл,
чтобы увидеть солнце, пылающее по Твоему велению;
и воды пути, которым мы шли,
расступились, как некогда в Красном море.

Ивы Монреаля плакали
о моём уходе, баюкаемые Твоим дыханием;
и когда я был заключён в темницу, содрогнулась Гея,
благоговейная мать, хранящая Твоего избранника.

Так всё Твоё творение говорит со мной,
от засух, прекращающихся по моим молитвам,
до пламени, щадящего города;
о Твоих самых покинутых творениях я пекусь.

Олень не помышляет о мести,
и тигр не охотится сверх нужды;
род Твоей любви учит нас,
что Ты даёшь живущим каждый день необходимое.

Ты послал мне херувимов-учителей:
животных, что живут с нами день за днём;
и мы печёмся о них день за днём,
об этих хрупких существах, что не зависят ни от кого иного.

Так и любящие родители поддерживают
своих детей, согбенных страданием,
не ожидая никакой награды,
кроме любви, что даруют, заботясь о них.

И я не был единственным свидетелем этой саги;
со мной идут бесчисленные, кто возлюбил Тебя,
ещё сегодня из древнейших могил.

По полученным благословениям я слышу,
как младенцы в кругу призывают меня,
возвещая, что через телепатию
они исправляют родителей своих и ходатайствуют.

И святые негодуют на небесах;
вчера святой Бенедикт просил моего прощения
за монаха, что преследовал меня,
ведь он сам ходатайствовал своими молитвами за него.

Даруя любовь, ничего не получая взамен,
Ты насадил цветы, что цветут бесконечно
от моего сердца ко всем, кого я встречаю,
дань миру, что отвергает Твою нежность.

В роли жертвы несправедливости

Наши вампиры и наши феи, словно насекомые;
родные, друзья, любимые существа
сопровождают наши усталые дни
как ангелы или демоны жизни.

Через них мы ранены или любим
всеми мечами духа;
в их отражении мы боремся или трепещем,
хрупкое зеркало предназначенной судьбы.

Честолюбие, тщеславие, предательство, обман,
кратчайшие пути к пустой славе,
которую агностик славит в своих расчётах:
рыба, что каждый день хватает крючок.

Ибо вся материя — лишь лёгкий воздух,
это чувство и мысль: вечность.
Прежде чем благословлять свою выгоду,
люби врага своего — не избегай его.

Люби также своего друга, не страшась
зависти, что порой его сопровождает;
терпение побеждает всякую обиду.
«До каких пор?» — спросили мы в Монмартре.

«До дня после нашей смерти,
когда вселенная в своей великой любви
воссияет перед Верховным Творцом».

Дети Божии, призванные стать богами,
мы обретаем крылья через отрешение.
Не смотри на ложных знаменитостей,
которые улыбками притворяются счастливыми;

мы ничто здесь, в этих городах,
но всё — в вечности, которую Ты создаёшь.
Я, актёр, импровизирующий это бдение
в роли жертвы несправедливости,
получил Твоё утешение и Твоё объятие
и кроткий взгляд, угадывающий намерения

врагов, которые в своём безумии принимают
— за легкомысленными улыбками радости —
лекарства, что назначают психиатры,
углубляя своё очевидное одиночество.

От неспокойных домов до самой старости
они живут рабами уже изжитых наслаждений,
изнурённые пустыми состязаниями,
мстя за обиды, которые ныне прах.

Но в моём постоянном упорстве
я увидел вечный свет Твоей славы,
брак веры и разума, свершившийся
по ходатайству мамы Марии,

драгоценный камень, чтимый Тобой в любви и
справедливости,
голос, ведущий блуждающее сердце.
Это было в Её храме на берегах Монреаля,
где одна пожилая женщина попросила исцеления.

Её подруга облегчила боль десятилетий,
и мы бежали от завистливых некромантов.
Я пригласил её в Cirque du Soleil, и она сказала:
«Ты возвращаешь мне мою молодость».

Мы видели, как Просперо усмирил бурю
и простил брата, ранившего его,
того, кто замыслил его смерть и кораблекрушение:
«Буря» — зеркало Твоей любви.

В этой пустыне я делаю Твою веру моей биографией

Изумлённо живу перед Твоей великой жертвой,
и в своём одиночестве оставляю то, чем был,
и также то, чем когда-то мечтал стать,
у Твоих ног предлагая своё желание Твоему.

Как каждый мужчина и каждая женщина, рождающиеся
на свет,
и я страдаю от честолюбия дней;
но лучше живу в Твоём вечном обетовании,
бальзаме, что рассеивает ярость и тревогу.

Твоё слово — сокровище, которое видят все,
но которым мало кто наслаждается,
запуганные банкирами и учёными
и сводницами, которых я опровергаю в книгах.

Ибо судьба принадлежит Тебе, Царю Истины,
заступнику тех, кто молитвой достигает Тебя,
щиту сердец, свободных от интриг,
и жизней, продолжающихся после смерти.

Никогда меня не заботила слава медиа,
ни то, чтит ли меня мир или презирает;
Твоё воскресение — мир Твоих возлюбленных,
Твой голос — источник всей литературы.

Я читал философов, лишённых сострадания,
и слышал поэтов, воспевающих преступление;
я видел политиков, обещающих утопии,
и журналистов, оскорбляющих Твоё творение.

Я учил юношей, сомневавшихся жить,
пленённых внушёнными убеждениями,
угнетённых тем, что не живут в богатстве;
за их судьбу я терпел их удары.

Как Ева, как Каин, как Иуда и Наполеон,
и я был воспитан в той ложной вере,
что мы хозяева собственной судьбы,
тайный источник всякого эгоизма и преступления.

И вижу я, как элита мира хвалится,
что ход истории зависит от её денег,
пока она правит народами ростовщичеством;
болезнь и агония становятся их монетой.

Ибо климат я изменил во имя Твоё.
В этой пустыне я делаю Твою веру моей биографией,
над религиями, прикованными к прошлому;
у святого Петра Клавера научился я любить раба,
и, как он, многих других освобожу.

Я предпочитаю видеть мир лишь игрушкой

Победы родились из Твоего Слова,
и по моей первой детской вере
я предпочитаю видеть мир лишь игрушкой:
огромной планетой, где играют дети,
встречая злодеев, избегая ловушек,
бессонные ночи и муки любви.

Я предпочитаю видеть мир лишь игрушкой,
а нас — фигурами на доске,
во власти более искусных игроков,
искушённых в хитростях и влиянии.
Но Ты движешь горы и успокаиваешь моря;
я видел людей, славящих Тебя у костров.

Я предпочитаю видеть мир лишь игрушкой
ангелов, понимающих игру,
и людей, что не знают её правил:
одни ведóмы твёрдой волей,
другие движимы слепым обманом.

Я видел, как змеи покорялись Твоему велению,
я пережил падения машин,
гладил слонов и побеждал убийц,
ибо Ты благословляешь тех, кто помнит Тебя.

Я предпочитаю видеть мир лишь игрушкой
детей, принимающих вызов,
которые, желая казаться взрослыми,
забывают первые наставления.

Himnos a Jesús_____

Те, кто боится смерти, не пугают нас;
я вижу, как они сеют страх среди людей,
стонут и плачут перед судьбой,
хотя она — лишь путь в ничто,
тихая и тайная дверь к небесам.

Я предпочитаю говорить, что мы — то же Существо,
которое забыло себя, чтобы родиться в тебе;
что тщетно тоскует по своей величине,
и чьё величайшее утешение — подражать Христу.

Само солнце может умереть завтра,
мы можем потерять любимого друга,
путники могут пасть от болезни;
и всё же — разве у тебя нет этого дня?

Посмотри на себя — сильного или хрупкого,
живое семя всей твоей радости;
даруй благословения без страха
и спрашивай в свои тихие часы:
как часто должен я благодарить Тебя?

Те, кто оставляют Тебя ради этого мира,
в мире жадности и эгоизма,
презирают воображение и знание
и сводят человека к пустой лжи.

Я предпочитаю видеть мир лишь игрушкой,
ибо я последовал Твоему Слову
в детской вере;
и в этом прозрении я жил Твоей победой,
моими шагами, держащимися за Твою руку
до моего растворения в Тебе.

_____ Hugo Noël Santander Ferreira

Я предпочитаю видеть мир лишь игрушкой:
фигуры, играющие одну партию,
длиной в твою жизнь или мою,
пока Великий Игрок не уберёт нас
в свою коробку до следующей партии.

Ты, шедший рядом со мной

Ты, шедший рядом со мной, с сердцем в пламени,
среди видений, испытаний, любви и святых имён,
в каждом стихе заново рождалась душа:
Судия, Друг, Тот, кто искупил нас.

Вы читали о голубях, о городах в благодати,
о слезах Марии и о каждом святом месте;
вы видели, как я боролся с тьмой, восставал к свету,
целовал крест и говорил силою любви.

Я не был ничем особенным: лишь призванным петь,
нести Слово, рану, венец и кольцо.
Но вы, о читатели, зеркала небес,
были избраны: не только свидетели, но и путь.

Ибо минуло четырнадцать лет, и то, что здесь
написано,
не суетный сон, но непрестанный диалог.
Пророк пишет не для прошлого и не для будущего,
но для тех, кто, читая, идёт рядом с ним.

В этих стихах отражается каждое существо:
познай своё существо, свою глубочайшую истину.
Ты, сопровождавший меня через порты и города
— Франкфурт, Атланту, Оттаву — был спутником и
дыханием.

Если я оскорбил тебя, не бойся, что я обвиню тебя,
и не бойся также оскорбить своих братьев,
ибо наше намерение — неизменная любовь;
обвинять сияющую истину принадлежит тьме.

Я написал их, пожертвовав выгодой мира;
распространяйте их, если моя весть тронет ваши души.
Царство прорывается в этих песнопениях, как
начертанный путь,
если ты в своём сердце узнал Христа.

Мы — ангелы Бога, Самого Творца;
если мы любим Его пламенно, Его свет сияет в нас.
В этом тоне нет ни лжи, ни интриги,
ни заговора ради богатства или почитания.

Мы — братья всеобщей любви;
несите Его имя выше тех, кто провозглашает,
что Бог не мог ждать миллионы лет,
чтобы воплотиться в столь несовершенном виде.

Вот свет любви, даровавший камням жизнь.
Созданные по образу и любовью Творца,
мы живём головокружением вечной жертвы,
не ради миллионов, но ради миллиардов и дальнейших
эпох,
когда человечество населит бесчисленные планеты.

И если вас спросят: «Кто был тот Уго Ноэль?»,
скажите: «Он подражал Христу, Который хранил его,
дабы он написал
стихи, исправлявшие философии и вероучения,
сводившие человека к одним лишь костям,
и он вновь возжёг пламя, которое Христос оставил
в эпоху, отрёкшуюся от Него, от Бога и от Царства
Небесного».

Ченнаи, Франкфурт, Атланта, Оттава, Монреаль,
Питтсбург, Керетаро, Богота, Букараманга, Барселона,
Париж, Ковеньяс, Синселехо, 2013–2026

Proof